

Ральф Уолдо Эмерсон

ДРУЖБА

Мы не сознаемся ни себе, ни другим, до какой степени мы доступны привязанностям. Наперекор эгоизму, остужающему землю, как северные ветры, стихия любви своею божественною атмосферою обтекает весь, род человеческий. Сколько у каждого из нас сохраняется в памяти таких личностей, с которыми едва обменялся словом, и между тем знаешь, что любишь их, а они нас. Сколько людей попадутся нам то на улице, то в церкви, и в нас вдруг пробудится чувство радости, и всегда от безмолвной встречи с ними опять становится весело на душе. Вникните в смысл многих случайно бросаемых взглядов: он очень понятен сердцу.

Человеческое сочувствие коснется вас — и все вокруг приветно улыбается. Впечатления, производимые на нас поэзией, дружескою беседою или знаком участия и доброжелательности, можно сравнить с благодатным действием тепла и огня. Но еще живительнее, еще ярче озаряет душу и вызывает ее на деятельность и на подвиг то лучшее благо жизни, наша способность чувствовать, начиная от простого движения доброго расположения до высшей степени пламенной любви.

Сами наши умственные силы увеличиваются от меры привязанности. Сочинитель садится писать; он долго обдумывал предмет, но прекрасных мыслей нет и следа; выражения не ладятся, как ни бейся; вдруг он принимается за письмо к другу — и прелестнейшие мысли, образы стекаются со всех сторон и находят себе слова, как на подбор. Посмотрите, в том доме, полном радушия и уважения к человеку, готовятся принять в первый раз знаменитого гостя. Что за волнение в добрых сердцах, что за суета! «И тот и другой наговорили уже нам о незнакомце, но мы одни в состоянии вполне оценить его прекрасные редкие качества. Он олицетворяет нам наконец образец человечества... Но что же сделаем мы? Как вступим с ним в разговор, в близкое сношение?» На нас почти находит страх и беспокойство. По счастью, они подстрекают, одушевляют нас. Изжит на время любимый наш дух молчания: мы говорим лучше, чем когда-либо, выносим из хранилища давнишней и самой затаенной опытности целые кипы богатых, задушевных, остроумных замечаний; знакомые и родственники не надивятся: откуда у нас все это набралось; мы готовы не смолкать целые часы. Но, по мере того как знаменитый гость начинает перед нами обнаруживать здесь — пристрастие, там — недостаток, а там — присяжную систематичность, очарование прерывается, оно исчезает.

В первый и уже в последний раз слышал он от нас превосходные наши речи. Увы! он для нас уж не великий Неизвестный: ограниченность, недоразумения, грубая пошлость — какие старинные знакомые! Теперь, когда он опять придет, его примет моя прибранная и принаряженная обстановка, мое праздничное платье, мой хороший обед; но трепета сердца, но излиятий души — их он уже не дождетсЯ.

Если о дружбе, то, каюсь, я по природе склонен к чрезмерному увлечению. Для меня почти опасно приближать уста к сладкому яду опрометчивых привязанностей. Новое лицо всегда бывает для меня событием огромной важности и всю ночь не дает мне заснуть. Еще недавно замечтался я после встречи с двумя-тремя добрыми малыми, но к утру восторг мой охладел и остался без последствий: он не оплодотворил во мне ни одной мысли, он ни в чем не улучшил моего образа действий. Такие непостоянные вспышки хороши для любопытства, но не для жизни; им не должно поддаваться: это ткань паутинная, а не прочная одежда.

Иногда я сильно досаую на общество и бегу в уединение; однако во мне еще держится справедливость и я никогда не запру своих дверей для людей милых, мудрых, благородных по природе; и тот, кто меня выслушивает, и тот, кто меня понимает, становится моим всегдашним, моим достоянием вечным. Природа не бедна! Время от времени она посылает мне это наслаждение, и тогда мы принимаемся кроить общественную ткань по нашему мерилу, по новому образцу отношений. Разнообразные мысли как звенья примыкают одна к другой и сами собой образуют сплошное целое: смотришь, мы сами уже очутились вслед за ними в мире новом, сотворенном нами; мы уже не

иноплеменники, не бездомные скитальцы на планете, покоящейся на преданиях нам и довременных, и чуждых.

Возможно ли не обращать внимания на порывы чувства, воссоздающего для каждого из нас мир во всей его юной прелести? Что может сравниться с прямым и твердым соединением двух душ в одном стремлении, в одной привязанности, в одной мысли! Самые шаги существа правдивого, одаренного свойствами неба, отдаются в сердце ликованием; от одного его вида светлеет солнце. В то время, когда мы изведываем, что такое истинное чувство, вся земля преображается; мы не замечаем ни мрака, ни зимы, забываем о житейских драмах, о томительной скуке; забываем о самих обязанностях. Светлые образы наших любимцев одни носятся пред нами в вечности, и если бы душе нашей далась непоколебимая уверенность хоть когда-нибудь, в какой бы то ни было области вселенной, навсегда соединиться с возлюбленным существом, она бы рада, она бы готова провести в одиночестве целые десятки столетий.

Со всевозможным благоговением благодарю я Бога за моих друзей, старых и новых, и называю Его, ежедневно украшающего жизнь мою новыми дарами, красотой верховною. Друзья обретаются мне без моих поисков: их приводит ко мне Господь всемогущий. Я схожусь с ними в силу неразрывного родства всех добродетелей между собою и в силу непоколебимых прав их — одной на другую; или, говоря лучше, схожусь с ними не я, но то божественное начало, находящееся и в них и во мне, рушит разделяющие нас преграды обстоятельств, лет, пола, нрава, внешнего положения и внезапно сливает многих воедино. О, с каким восторгом восхваляю я вас, превосходные мои друзья! Вы, которые открыли мне новый и глубокий смысл жизни и обогатили мой разум возвышенными понятиями!

Друг? Это не такой-то человек, сухой и чинный; это поэзия, только что излившаяся из лона Божества, поэзия свежая, как ее источник, вольная, как сама муза; это гимн, ода, эпопея.

Настанет ли разлука для меня и для друзей моих — не знаю, но я не боюсь ее, потому что наша связь основана чисто и просто на сродстве душ; и знаю еще я, что это же средство возымеет свою силу в отношении и других мужчин и женщин, превосходных, как и мои первые друзья, и всюду, где бы я ни находился.

У нас дружба доходит до мелкой и жалкой развязки оттого, что она кажется нам упоением, мечтою, а не задевает самых мужественных струн человеческого сердца. Законы дружбы величественны, непреложны, вечны, как законы нравственности и природы. Мы же ищем в дружбе маленьких, скореньких выгод и льнем губами к только что предложенной отраде. С каким легкомыслием бросаемся мы срывать едва завязавшийся плод, который созревает медленнее всех в вертограде Господнем, и должен быть снят по прошествии многих зим и многих лет. Мы подступаем к своим друзьям не с благоговейною почтительностью, а с каким-то прелюбодейным желанием поскорее прибрать их к рукам. Оттого мы и окружены хилыми противоборцами, которые исчезают при нашем приближении и, вместо поэзии, выдают нам весьма вялую прозу. Оттого-то почти все люди и падают в цене при учащенных свиданиях. Большая их часть сносны на время, и, что всего прискорбнее, цвет и благоухание самой прекрасной природы облетает, и испаряется от частых столкновений с другими людьми. Почти беспрестанно, при нынешнем складе общества, чувствуем мы недочет в сближении с людьми, даже очень даровитыми и очень добродетельными. Вначале внимание и предупредительность стройно и мирно ограждали наши беседы; вдруг нас начинают колоть, терзать насмешками; то обдадут неуместным холодом, то изумят падучим припадком умничанья или страстности, который приходится терпеть во имя пламени мысли и чувства. Когда принято за правило не выказывать своих способностей во всей их правде и во всей полноте, то лучше разойтись и искать покоя в одиночестве. Во всех отношениях людских необходимо равенство. Что мне за удовольствие в длинных разговорах, в многолюдстве, если в нем нет мне равного?

Впрочем, и это служит спасительною уздою нашей поспешности. Отталкивающая холодность, суровая сдержанность, без собственного ведома, будто какую сенью, охраняют нежные организации от преждевременной скороспелости. Они бы погибли, если б сознали и расточили себя прежде, чем возмужают здесь те превосходные души, которые их разгадают, наставят и укрепят.

Чтите медленный ход природы; она употребляет тысячелетие на образование и отверждение алмаза. Небесные гении нашей жизни не впускают в свой рай необузданную отвагу. Любовь, это свойство Бога, созданная на увенчание всех достоинств человека, создана не для безрассудных. Не будем для удовлетворения беспокойства сердца поддаваться ребяческому увлечению, но станем руководить им с разборчивою мудростью: пойдём на встречу к другу с твердою верою в правду его сердца, в глубину его бытия, а не с преступною самонадеянностью, что нам стоит только захотеть, чтобы все в нем предать волнению.

Предмет, рассматриваемый теперь мною, возбуждает мое полнейшее сочувствие; я не в состоянии ему противиться; итак, оставлю в стороне разбор второстепенных общепользных благодеяний, доставляемых дружбою, но займусь тем, что есть священнейшего и изящнейшего в свойстве этого чувства, которое знаменует род абсолютного блага и обладает языком до того чистым и до того божественным, что перед ним стихает подозрительный и избитый язык любви.

Я бы не хотел, чтобы друзья обращались между собою с церемонною деликатностью, но с мужественною искренностью. Когда чувство истинно, оно не хрупкое стекло, не лед, тающий по поветрию; оно тверже и несокрушимее всего, что только есть в мире. Длинный ряд веков опыта, чему научил он нас о природе и о нас самих? Род человеческий еще не сделал ни шагу к разрешению загадки своей собственной судьбы, и во всем, что касается этого вопроса, он будто поражен карою безумия. Но я встречаю друга, — душа моя сливается с душою брата, и всепроникающее умиротворение и безмятежность моей радости возникают плодом истинным, которому все вещественное и все мыслимое в природе служит только как оболочка, как скорлупа. Дом, который он удостоит своим хоть однодневным посещением, должен бы походить на кивот завета или на пиршественный чертог. Счастлив и он, если постигнет торжественность этого отнюдь не бесплодного союза и почитает его законы. Избранник, призванный на такой союз, восходит как Олимпиец к высокому назначению, которого жаждут все великие души. Он обрекает себя на борьбу: против него будет ратовать и время, и нужда, и опасность; победителем из нее выходит только тот, за кем стоит правда, охраняющая цвет его нетленной красоты от повреждений и опустошений, наносимых теми роковыми губителями. Наделен ли он или нет житейскими благами — это не идет в расчет: исход борьбы зависит от безукоризненного благородства, от презрения мелочных предрассудков.

В состав дружбы входят два элемента, до того равные могуществом, что не знаешь, которое из них назвать первенствующим. Один элемент — правда, другой — нежная и преданная любовь. Что такое друг? Это то лицо, с которым я могу быть откровенен; откровенен, начиная от самой поверхности кожи до сокровенной глубины души. При нем я мыслю вслух, в его присутствии вижу человека до того истинного и до того равного мне, что могу наконец сбросить все до одной личины притворства, околичностей и эту заднюю мысль, неотвязную от людей. С ним же я обхожусь с простотою и естественностью химического атома, который сплотился с другим однородным ему атомом.

Откровенность, как венец, как полновластие, есть роскошь, предоставленная лицам самого высокого сана, они могут высказывать истину, потому что им нет высших, к которым нужно подлаживаться и сыпать комплименты. Мы все откровенны сами с собою, но войдет кто другой, и лицемерие начинается. Мы оберегаем и защищаем себя от людей оружием учтивостей, болтовни, забав и дел; мы укрываем нашу мысль под бесчисленные извороты из боязни, чтобы чужой глаз не подстерег ее. Я знал одного человека: под влиянием религиозной мании он сбросил все драпировки, под которыми мы прячем наши убеждения и мысли, и, откинув все приторные и пошлые обороты речи, обращался к внутреннему сознанию каждого с чрезвычайно пронизательностью и с редким даром слова. Сначала он встретил большое сопротивление; его провозгласили сумасшедшим, но он, не отклоняясь от своего пути, достиг того преимущества, что все знакомые вошли с ним в сношения прямой, неподдельной правды. Кривые уличные о нем толки и сплетни прекратились, и, благодаря его откровенности, всякий решался снимать пред ним свою маску и признаваться, сколько в нем таилось любви к природе, к прекрасному и сколько поэтических и мистических символов было заключено в душе его.

К большей части из нас люди даже не становятся лицом к лицу, а, разом обернувшись, показывают им только спину. Не правда ли, безумно желать повсеместно установить сношения, действительные, истинные, в век лжи и притворства. Мы почти разучились ходить прямо; всяк встречный присваивает

себе право требовать от нас угождений, развлечений; если же в голове его завелась какая-то филантропическая или религиозная затея, вы уж лучше молчите: он терпеть не может, чтоб ему перечили.

Но друг мой человек здравого смысла; он может делать испытания мне, но не моему чистосердечию; разговаривая с ним, я могу обойтись без ужимок, могу не картавить, не раболепствовать... Все эти черты представляют друга каким-то парадоксом в природе. В моем одиночестве я могу из всего, что существует, положительно утверждать несомненность собственного моего бытия, но вот я встречаю свое подобие, воспроизведенное в образе другого, с тою же любознательностью, многосторонностью, высотой помыслов. Как не дивиться, как не видеть в нем самого художественного произведения природы!

Другая неразлучная стихия дружбы — глубокая привязанность. Мы прикованы к людям разнородными цепями: родства, гордости, боязни, надежды, корысти, нужды, ненависти, удивления, — просто не перечислить всех недостойных поводов и пустяков; в кругу всего этого не верится, чтобы существовал кто-нибудь, могущий приковать нас к себе любовью. Живет ли на свете тот благословенный, которому могли бы мы принести в дань нашу любовь? А если живет, достойны ли мы к нему приблизиться? Полюбив человека, я достигаю высшего предела счастья.

В книгах мало сказано такого, что захватывало этот предмет за живое. Добрые люди смотрят на дружбу как на удобство; это — обмен подарками, маленькими и большими услугами, это — соседи-гости, ухаживание во время болезни, присутствие и слезы на похоронах. Непростительно и для поэта, говоря о дружбе, делать из нее прекрасную, но призрачную ткань, забывая, что основу ее составляют все свойства великой души: справедливость, точность, верность, сострадание. О, я хотел бы, чтоб такая дружба была с руками и с ногами, не с одними выразительными глазами да красноречивыми устами! Я бы хотел, чтоб она сначала сделалась достоянием земли, а потом уже мира идеального; чтоб она была добродетелью человеческою, а не одною ангельскою.

Но как ненавижу я все расточаемое имя дружбы, которое дают прихотливым светским отношениям. Я предпочитаю общество угольщиков и чернорабочих этим друзьям, разодетым в шелк и празднующим свое соединение катаниями, обедами у лучших рестораторов и разными другими пустыми забавами.

Цель дружбы — скрепить связь, такую тесную, такую неразрывную, какая только может быть постигнута человеком. Дружба дана нам на ясные, дни, на доказательства сердечного участия, на приятные уединенные прогулки по полям и лугам; но, вместе с тем, и на стези трудные, утомительные; она дана нам на бедность, на гибель всего остального, на злые Гонения; хороша она для остроумной болтовни, хороша она и для восторга, стремящегося к Богу.

Ежедневный быт жизни, самые обыкновенные занятия и потребности человека, без всякого сомнения, должны быть окружены достоинством и, облагорожены рассудительностью, единодушием, мужеством. Тем более не должна дружба впадать в обыденное, пошлое, приглядевшееся; она, напротив, должна быть предупредительна, изобретательна, чтобы уметь придавать значение и прелесть тому, что прежде казалось пошлостью.

Для упрочения дружбы во всем ее совершенстве требуются природы отменные и прекрасные, которые так счастливо умеряли бы одна другую и, несмотря на различия нрава и врожденных способностей, такт, стройно, полно и согласно совпадали бы между собою, что подобные образцы могут покамест осуществляться весьма редко. Вообще, духовное сходство и сочувствие необходимы для всякого сближения. Останутся с глазу на глаз или соберутся большим обществом люди, не имеющие между собою ничего общего, ничего одинакового — скучают донельзя друг другом и ввек не отгадают силы, заключенной в каждом из них. Часто говорят о необыкновенном даре слова таких-то лиц и думают, что они владеют им постоянно. Нимало! Человек, вполне заслуживший славу красноречия и обилия мысли, не найдет что сказать своему дяде или двоюродному брату; эти сердятся на его молчание также справедливо, как могли бы гневаться на беспутство солнечных часов, поставленных в тени. Дайте им солнца — циферблат покажет час: восхищайтесь, слушая человека даровитого, красноречивого, — он найдет при вас свою способность.

Дружбе необходима та редкая «середина на половине» между сходством и несходством, дающая в то же время чувствовать каждому из двух друзей и присутствие силы иной, и одобрение собеседника. Я предпочту всю жизнь оставаться одиноким, нежели стерпеть, чтобы мой друг исказил одним словом, одним взглядом свое действительное убеждение или сочувствие: мне равно обидно его притворное сопротивление и его вынужденное соглашение. Он должен во всем, всегда оставаться самим собою: все умение, доставляемое мне его дружбою, заключается именно в том, что не я сделалось я. День превращается в ночь, сердце изнемогает в груди когда замечаешь, что вместо мужественной опоры или, по крайней мере, откровенного опровержения, попадаешь на ворох равнодушных уступок. Пусть моим другом лучше будет репейник, чем отголосок.

Условие высокородной дружбы — сила, могущая обойтись и без нее; на выполнение этого условия нужны качества огромные, выдающиеся. Сначала положительно должно быть двум для того, чтобы слиться в одно. Так соединяются две мощные природы, которые сперва измеряют, страшатся одна другую, а там, осознав глубину их неопровержимой тождественности, подают друг другу руку на союз вечный.

На такой союз способны только души благородные, которые знают, что истинная доброта и истинное великодушие не любят расточать себя, и которые не торопятся вмешиваться в свою судьбу. Дайте алмазу время отвердеть и перестаньте думать, что своими усилиями вы можете ускорить рождение лучшего чада вечности. С дружбою надобно обращаться с благоговением, без причуд, без недоверия. Мы говорим о выборе своих друзей, но выбор этот совершается по естественному порядку вещей, и уважение играет в нем большую роль.

Как смотрите вы на великолепное зрелище? На некотором расстоянии, не правда ли? Точно так же смотрите и на вашего друга. Дайте ему простор и место выказать свои качества, развернуть их, в них установиться. У него есть достоинства, не точь-в-точь те же, что у вас, и которым вы будете не в состоянии дать и цены, если сожмете его в своих объятиях. Что вы, в самом деле, Друг ли пуговиц на платье вашего друга, или наперсник лучших его дум? Для великой души друг долго должен оставаться чуждым во многих отношениях, для того чтобы тем ближе сойтись с ним на святой земле прекрасных обетовании. Предоставьте маленьким мальчикам и девочкам думать, что друг — это есть собственность; пусть они потешаются короткою и смутною забавою вместо того, чтобы извлечь из такой встречи всю полноту благодати.

Купим ценою долгого испытания право вступления в подобное общение. Как сметь нарушать святую душу прекрасных и благородных? Домогаться насильственного в те души втеснения? К чему с излишнею поспешностью завязывать личные сношения с другом? Желать быть принятым в его доме, познакомиться, с его матерью, сестрами, братьями, зазывать его к себе? Это ли составляет важность союза?.. Заискивания, торопливость — прочь! От них скорее грубеет и вянет дружба. О, пускай мой друг будет для меня духом! Пускай когда-нибудь получу я от него весть, дар одной мысли, взгляда, слова искренности, поступка прямоты — с меня довольно; но прошу избавить меня от его соусов, от пустых рассказней. О политике, о новостях и делах я могу вдоволь наговориться с каждым из моих знакомых; беседа же с моим другом должна быта поэтична, чиста, великолепна, необъятна, как сама природа. Подыдем все уставы горе, вместо того чтобы понижать их долу.

Глаз, блестящий негодованием, красота пренебрежительной осанки, красота великодушных действий нашего друга приказывают нам не унижаться, а мужать и возвышаться духом. Не старался и ты, чтоб в угоду тебе он стал ниже хоть единого своего помысла; но принимай их все и отвечай на все. Ничего не люби так, как превосходство твоего друга; смотри на него с некоторым трепетом, будто на противника, прекрасного, доблестного, непобедимого, глубокоуважаемого, а не так как на вещь, которую легко и взять, легко и бросить.

Почтим же законы дружбы обузданием нашего нетерпения овладеть небесным цветком до времени его полного расцвета. Возьмем сперва в совершенное распоряжение самих себя, а потом уже отдадим себя другим. Преступники — говорят — находят большую усладу в том, что могут обходиться по-панибратски со своими соучастниками; это подтверждается и латинскою пословицею: «Crimen quos inquinat, oequat». Но возможно ли так обходиться с теми, кого любишь, кому удивляешься? А между тем, по моему убеждению, недостаток самообладания портит все отношения дружбы, потому что нет

глубокого мира, нет обоюдного глубокого почтения между двумя душами, из которых каждая не служит другой полною представительницею вселенной.

Дружбу, высокое, величественное чувство дружбы, мы обязаны окружать всевозможным великолепием. Будем молчаливы – и мы услышим тихую речь богов. К чему вы бросаетесь во все стороны и всякому пришельцу сообщаете мысли, которые следовало бы поведать душам избранным? Перестаньте услаждать сами себя вашими словами, то остроумными, то пламенными, то глубокомысленными. Ждите, пока не заговорит душа, пока вас не осилит неотразимое и бесконечное; ждите, пока и день и ночь сами не выберут ваших уст для выражения своих тайн. Ищите божество, и найдете его; ищите добро, и оно наградит вас собою; умейте сами быть другом, и вы встретите истинного друга. Поздно, очень поздно догадываемся мы, что представления, рекомендации, частые посещения и прочее заведенное в обществе нимало не способствуют к установлению дружеских сношений с теми, кому мы удивляемся и кого желали бы иметь друзьями, но, что единственное для того средство состоит в том, чтобы довести свою природу до высоты их природы; тогда мы сойдемся с ними, как вода с водой; если же не сойдемся, значит, нам этого не нужно, потому что мы сами уже то, что они. Бывало, люди обменивались именами со своими друзьями, как бы для выражения того, что каждый из них любил в друге свою душу, потому что в окончательном результате дружба есть отражение личного достоинства человека на других людей.

Чем возвышеннее образ дружбы, который мы носим в душе своей, тем труднее его олицетворение в плоти и в крови. Мы очень одиноки в этом мире. Друзья, призываемые нами, желаемые нами, что они? Не мечта, не сказка ли? Нет! Вдохновенная надежда ободряет верное сердце предсказанием, что там, в безграничных пределах вечности, есть души, живые, деятельные, чувствующие, которые могут полюбить нас, которых будем любить мы. И благо вам, если провели пору малолетства, легкомыслия, заблуждений и унижений в тоске одиночества! Когда достигнем возмужалости, для нас настанет возможность протянуть руку, чистую и честную, другой руке, чистой и честной.

Из всего, уже изведенного нами, постараемся взять себе за правило не вступать в дружеские отношения с лицами, с которыми дружба невозможна. Мы безрассудно кидаемся, в связи, которые не может ни освятить, ни благословить никакое божество. И ничто не приносит такого строгого наказания, как эти неравные союзы. Оставаясь верны своему пути, вы можете потерять на мелочах, но непременно выиграете в итоге. Характер ваш обрисуеться окончательно, и оградит вас от посягательств ложной дружбы. Взамен этого вы привлечете к себе тех первородцев земли, тех небожителей, которые только в числе двух или трех нисходят на нашу планету, и в сравнении с которыми великие люди толпы – одни тени и призраки. Безумна и унижительна боязнь вступить в союз слишком духовный; мы не утратим через это ни одной из естественных наклонностей и простодушных привязанностей; и какая бы перемена ни совершилась в наших прежних мнениях – вследствие духовного просветления, мы можем вполне быть уверены, что природа все более и более будет вводить нас в области высшие и что, лишая нас, по-видимому, некоторых удовольствий, она вознаграждает нас, в сущности, радостями лучшими.

Иногда бывает необходимо сказать «прости» и самым дорогим друзьям: «Расстанемся, я не могу долее оставаться в порабощении. Но, о брат мой, разве ты не видишь, мы расстаемся оттого, что еще слишком велика наша любовь к самим себе; после этой разлуки мы встретимся опять на вершинах, более возвышенных, и будем полнее принадлежать друг другу». В истинном друге, как в Янусе, соединены два лица. Он обозревает наше прошедшее; это прошедшее, в котором он, еще не встреченный, был нашим любимым помыслом; он провозвестник и всех дней грядущих. Он предтеча друзей, еще выше его, потому что свойство всех божественных достояний – воспроизводиться бесчисленно и бесконечно.

Еще недавно утвердилось во мне убеждение, что, несмотря на общее в том сомнение, очень совместимо и с нашим достоинством, и с нашим величием быть другом и в таких отношениях, где дружба не равна. К чему печаль над тем грустным фактом, что друг мой не понимает меня? Заботится ли солнце о том, что столько-то его лучей падают на бесплодную пустыню? Потщимся, потщимся вдохнуть наш жар и наше великодушие в холодную, замкнутую грудь нашего собрата. Если мы отовсюду найдем в нем отпор, тогда отвернемся, предоставим его воле делаться спутником существ

низких и грубых. Велика будет наша скорбь при мысли, что от него уже отвеяло великодушное пламя, что ему уже не направить своих крыльев к жилищу богов... единственное врачевание такой печали то, что кругозор нашей любви расширился от чрезмерности света и тепла, которые мы изливали на него.

Вообще полагают, что любовь невзаимная есть какое-то унижение, но великие души знают, что любовь не может остаться без награды. Истинная любовь немедленно перерастает предмет недостойный, водворяет в вечности, живет вечным, и в час, когда спадает жалкая личина, истинная любовь чувствует, что развязалась с горьким юдольным и что теперь за нею упрочена ненарушимая независимость.

Впрочем, едва достает духу вымолвить нечто подобное о трехкратно священном союзе дружбы. Малейшее в ней сомнение есть уже вероломство. Она вся прямота, великодушие, доверенность. Дружба должна откинуть всякую тень подозрительности и недоверчивости; она должна смотреть на своего избранного, как на божество, для того, чтобы два существа человеческие, основавшие между собою союз дружбы, были, так сказать, обожествлены каждое посредством другого.

Эмерсон Ральф Уолдо
«Нравственная философия». Отрывок